

18

№21 (951) 29.03—31.03.2004 г.

Новая газ —

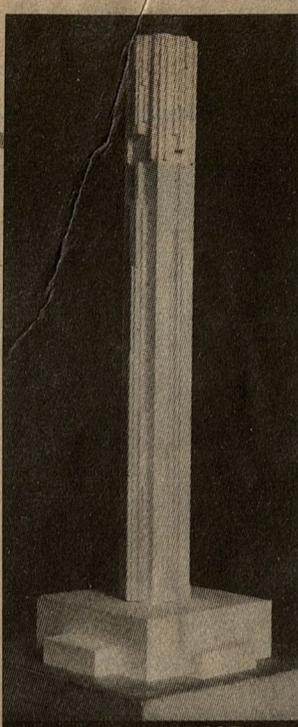
Александр Ильич Морозов, директор Третьяковской галереи по научной работе, говорит о народной любви к Малевичу так: «Раньше к нам шли на «Письмо с фронта» Лактионова, а теперь первым делом спрашивают, где «Черный квадрат».

Сотрудники Третьяковки тоже отдают должное главному реформатору в истории русского искусства: в минувший четверг на Крымском Валу торжественно отметили 125-летие Казимира Севериновича — аж в третий раз. Год назад юбилей уже было отпраздновали, как вдруг выяснилось, что «сравнительно недавно и практически одновременно учеными разных стран на основании вновь найденных документов» обнаружена новая дата рождения Малевича — 1879 год (а вовсе не 1878-й, как полагали).

Тогда в главной национальной галерее было решено не ограничиваться линейной хронологией — раз уж речь идет о великом метафизике! — а открыть вслед за «Сезоном Петрова-Водкина» довольно абстрактно оформленную программу «Посвящение Казимиру Малевичу». В феврале прошла выставка графических работ мастера и двух его самых верных (хотя далеко не «равноапостольных») учеников — Ильи Чашника и Николая Суетина. Коллекция, подаренная галерее дочерью Суетина еще в 1995 году, была показана впервые, а чтобы усилить ощущение эксклюзивности от ничем не поражающих зрителя ученических работ, к открытию приурочили презентацию факсимильного издания альманаха «Уновис».

По отношению к этому памятнику «живая легенда» не комплимент, а диагноз. Сборник супрематических манифестов и лозунгов был изготовлен в 1920 году «утвердителями нового искусства» под предводительством Малевича всего в пяти машинописных экземплярах с рукотворными иллюстрациями. Выжили всего два, один из которых, хранящийся в отделе рукописей Третьяковки, отныне на руки не выдается. Видимо, поклонники так затрепали ценный фолиант, что музейщики решили уговорить издательство «Сканрус» на типографскую версию по рыночной цене \$500.

Зато свежизданный двухтомник «Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика» (издательство RA, авторы-составители И. А. Вакар, Т. Н. Михненко; научные редакторы И. В. Лебедев, А. Д. Сарабьянов) продавали на вернисаже за тысячу рублей, по себестоимости, — и такой бойкой очереди не видел с перестроечных времен ни один гастроном. Каждый чих прародителя всего нашего современного искусства теперь получил научное обоснование; от всякого, кому посчастливилось лицезреть солнце русского авангарда,

Подлинник 1927 г. — в таком виде уже не существующий

добились мемуарообразных показаний. В числе опрошенных фигурируют «чиновники» и «противники по художественной борьбе» — не зря материал для книги кропотливо собирали в течение двенадцати лет. Малевич канонизирован, с иллюстрациями в количестве 400 штук не поспоришь, дальнейшее развитие «малевичеведения» — под угрозой.

Архитектор Юрий Аввакумов выразил свою приверженность учителю делом практическим — сделал гипсовую реконструкцию рассыпавшегося архитектурного. «Супрематическая архитектурная модель» — единственный сохранившийся из сотни архитекторов в форме колонны — была создана Малевичем в 1927

ко-эстетическое учение, а о церковном значении слова «архитектон» — «зодчий», «архитектор», «начальник кузнецов», о котором «не мог не знать» Малевич.

Аввакумов работал с архитектором на адреналине: вначале был кураж, ближе к юбилейному «дедлайну» — типично русский аврал. Потому что посередине случилось 11 сентября, когда вместе с постиндустриальным обществом обрушилась сама идея антропоморфной вертикали. Результатом преодоления кризиса сам реставратор доволен: «Посмотрел — мне понравилось».

Между выставленными в зале параллельными вертикалями — три четверти века, а кажется, что сравниваешь афинские руины и стилизованную дорическую колонну

ХОЛСТОМЕР

Вертикаль власти Малевича

К юбилею основателя современного искусства в Третьяковке отреставрировали его надгробие

виче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика» (издательство RA, авторы-составители И. А. Вакар, Т. Н. Михненко; научные редакторы И. В. Лебедев, А. Д. Сарабьянов) продавали на вернисаже за тысячу рублей, по себестоимости, — и такой бойкой очереди не видел с перестроечных времен ни один гастроном. Каждый чих прародителя всего нашего современного искусства теперь получил научное обоснование; от всякого, кому посчастливилось лицезреть солнце русского авангарда,

году как проект собственно надгробия, приобретена Третьяковкой в 1928-м с выставки в «Русском музее» и, закрытая цензурой для экспонирования, разрушалась в Загорском архиве. В июне 1931-го в письме Ивану Клычу Малевич завещал «похоронить его в Барвихе... да поставить на могиле башню по форме той колонки... с вышкой, в которой будет поставлен телескоп Юпитер смотреть». На открытии говорили не о космосе, к которому, по сути, и обращен супрематизм как философия

в новодельном «ампирном» интерьере на Остоженке. Хорошо, что приоритеты расставляет история, а не заказчик: в постоянную экспозицию Третьяковки войдет объект научной реставрации, а не современная реплика.

Теперь на кратчайшем пути к «своему Малевичу», открыть которого призывали организаторы юбилея, появились опознавательные знаки. Отныне найти «Квадрат» (как известно, вблизи икона авангарда выглядит асимметрично, в трещинах, под которыми просматривается что-то зеленое, — не так уж глуп анекдот о зрителе, который смаковал это произведение при разном освещении) очень просто: по лестнице на пятый этаж, в середину экспозиции «Искусство XX века», перед Любовью Поповой и супрематическими пейзажами, ориентируйтесь на две башни-близнецы — не ошибетесь.

А пока при участии одного из главных «бумажных архитекторов» проекты надгробий заключают в стеклянные квадраты склепов, за стенами музея овеществляются бумажные утопии — вокруг ЦДХ скоро построят здания по проектам Кандинского, Экстер и Татлина. «Готовые деньги на квартиры», — шутят искусствоведы, будто элитный жилой комплекс рекламируют.

Декабрь 1913 г. Матюшин, Крученых, Малевич: супрематизм еще кажется игрой